

МИТРОПОЛИТ ОМСКИЙ И ТАВРИЧЕСКИЙ ВЛАДИМИР (ИКИМ)

ІС ХС
НІКА

СЛОВА

В ДНИ ПАМЯТИ
ОСОБО ЧТИМЫХ СВЯТЫХ

митрополит Владимир (Иким)
Слова в дни памяти
особо чтимых святых.
Книга третья. Июль

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40191900

*Слова в дни памяти особо чтимых святых. Книга третья:
июль. / Владимир (Иким), митрополит Омский и Таврический:
Сибирская Благовонница; Москва; 2019
ISBN 978-5-00127-077-5*

Аннотация

Книга «Слова в дни памяти особо чтимых святых. Книга третья» представляет собой сборник из 26 богослужебных проповедей митрополита Омского и Таврического Владимира, посвященных памяти отдельных святых Вселенской Церкви и Русской Церкви, соборам, а также отдельным событиям, связанным с ними (день кончины, обретения мощей, прославления и т. п.), охватывая месяц июль. В этих проповедях житийные материалы совмещаются с современной духовно-нравственной проблематикой, историческими оценками и духовными уроками, преломляясь через личный многолетний опыт архипастырского служения автора. Книга предназначена для самого широкого православного читателя.

Содержание

ОТ РЕДАКЦИИ	5
Слово в день памяти свитого апостола Иуды Иаковлева	9
Слово в день памяти святителя Иова, Патриарха Московского и всея Руси	29
Слово в день памяти святителя Иоанна (Максимовича), архиепископа Шанхайского и Сан-Францисского	46
Слово на обретение мощей преподобного Максима Грека	63
Конец ознакомительного фрагмента.	76

**Митрополит Омский
и Таврический
Владимир (Иким)
Слова в дни памяти
особо чтимых святых.
Книга третья: июль**

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви *ИСП19-819-0714*

ОТ РЕДАКЦИИ

Издательство «Сибирская Благовонница» продолжает публикацию цикла богослужебных проповедей митрополита Омского и Таврического Владимира (Икима). Новая его часть называется «Слова в дни памяти особо чтимых святых». Эти Слова являются своего рода логичным продолжением серий «Вечное сокровище», «Врата покаяния» и «Сияние Пасхи», где толковались литургические Евангельские и Апостольские чтения на весь богослужебный год.

Традиционно многие церковные проповедники наряду с толкованием чтений из Священного Писания посвящали свои проповеди изложению житий святых угодников Божиих. Ибо, как писал преподобный Иоанн Дамаскин, «невозможно не праздновать памяти святых». Всей своей книгой митрополит Владимир побуждает нас интересоваться и изучать жизнь святых угодников Божиих. Святитель Иоанн

Шанхайский, коего память мы празднуем в этом месяце, писал о значении почитания русских святых: «Россия восстанет, когда поднимет взор свой и увидит, что все святые, в земле Российской просиявшие, живы в Божием Царстве, что в них дух вечной жизни и что нам надо быть с ними и духовно коснуться и приобщиться их вечной жизни. В этом спасение России и всего мира» (с. 50). Но просто знать жития святых для православного христианина недостаточно. Им следует подражать в своей жизни, к ним следует молитвенно обращаться за помощью в вопросах спасения, да и в вопросах житейских.

По словам митрополита Владимира: «Ведь лучший способ почитания святых, как известно, подражать их праведной жизни... [поэтому их жития] – не просто древняя история Церкви, но руководство к действию. Конечно, далеко не каждый из нас богослов, священник или епископ, не каждому доведется участвовать и в Соборе – даже Поместном, не говоря уже о Вселенском. Но ведь главное – не то, в чем святые принимали участие, а то, как они жили. А жизнь их представляет нам замечательные примеры верности Христу и Его учению, несмотря ни на какие испытания, примеры искренней и деятельной любви к Богу и ближним, примеры удивительного смирения и готовности всегда и во всем следовать воле Божией, даже если она идет вразрез с собственными планами и желаниями человека... Будем же и мы подражать в этих добродетелях святым отцам... будем изу-

чать свою веру, ценой многих трудов и лишений сохраненную ими для нас, будем молиться Богу об укреплении и вразумлении на этом благословенном пути». И «главное – подражать не внешней, а внутренней сути подвига святых угодников. Чему можем мы, простые люди, поучиться, например, у святителя Иова Московского? Конечно, его верности Господу, его вере, его мужеству в отстаивании этой веры и в защите родной страны, его смирению и любви к людям» (с. 38). Жизнь святых – «замечательный пример того, что служить Господу и Его народу можно в любые времена и в любом месте, куда ни будет Ему угодно поставить человека, – лишь бы только сам человек всей душой стремился к этому служению и со смирением принимал волю Божию о себе» (с. 41–42).

О жизни святых автор говорит просто, но ярко и убедительно. Книга поможет осмысленно участвовать в богослужбной молитве избранному святому. Полезной окажется данная книга и для священников при составлении проповеди, и в целом, как надеется редакция, найдет своего самого широкого благодарного читателя.

Слово в день памяти свитого апостола Иуды Иаковлева (19 июня / 2 июля)

*Сохраняйте себя в любви Божией, ожидая
милости от Господа нашего Иисуса Христа, для
вечной жизни.*

Иуд. 1,21

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!
Дорогие во Христе братья и сестры!

Братом Господним называет Священное Предание апостола Иуду Иаковлева. Но сам он именовал себя только – *раб*

Иисуса Христа (Иуд. 1, 1). Святой Иуда-Леввей был из одной семьи с Господом Иисусом, но считал себя недостойным, утратившим право на это родство. Однажды, еще в юные годы, ему не достало братской любви, и этот грех пятнал его прошлое, вновь и вновь обжигая его сердце стыдом. Некогда он сам отказался признать Христа своим братом, а впоследствии был счастлив назваться Его рабом.

Сыновьям праведного Иосифа Обручника было трудно смириться с тем, что их престарелый отец привел в дом Деву Марию. Это казалось оскорблением памяти их покойной матери Соломонии (Саломии). К тому же соседи посмеивались над почтенным старцем, который обзавелся молодой женой. Разумеется, о священном смысле происходившего никто из сыновей Иосифа не подозревал. Потом родился Младенец Иисус, и начались злоключения – праведный Иосиф с Девой Марией должны были бежать в египетскую землю от гнева царя Ирода.

Когда Святое семейство вернулось из Египта, праведный Иосиф затеял раздел принадлежавших ему земель между сыновьями. Маленькому Иисусу и Его Матери он тоже хотел выделить земельный участок, но остальные возмутились: хозяйская жадность к земле уже проснулась в этих юношах. По закону Иисус не имел права участвовать в наследовании, и братья заявили: «Нет Ему доли в нашем уделе!» Едва ли не громче всех звучал голос Иуды, самого сильного и решительного из братьев.

Конец семейной сцене положил старший брат, святой Иаков, брат Господень. Он был истинно справедлив и понимал, что милость выше закона. Иаков сказал, что с радостью примет Иисуса и Его Мать в совместное владение своей долей наследства. Этим остались довольны все, а в час торжества Христова братолюбивый Иаков получил право на преславное имя брата Господня по плоти.

Отношение сыновей Иосифа к Матери-Деве и Отроку Иисусу постепенно делалось добрым. Этих Двоих невозможно было не любить – так кротки и смиренны Они были, так прекрасен был исходящий от Них таинственный свет. Впрочем, для сводных братьев общение с Иисусом было привычным и будничным: Он виделся им младшим братишкой, милым и любимым, но совсем обыкновенным. Они стали земледельцами, а Он пошел по стопам приемного отца, освоил плотницкое ремесло: это было вполне в порядке вещей. Поэтому совершенно ошеломительным явилось для них известие, что их тихий Брат проповедует народу, за Ним следуют восхищенные толпы, Он совершает дивные чудеса! Им, видевшим Иисуса каждый день и не замечавшим за Ним ничего подобного, это казалось невероятным. Они усомнились, они решили: здесь что-то не так. *Не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и у сродников и в доме своем* (Мк. 6, 4), – говорит Христос. Так и сводные братья Господни до поры *не веровали в Него* (Ин. 7, 5).

Однако земная родственная любовь была достаточно

сильна в них. Услышав, что фарисеи составляют против Иисуса заговор, вместе с Пречистой Девой сыновья Иосифа поспешили туда, где Он проповедовал. Они хотели увести Его домой, защитить, дать Ему отдохнуть. Но ответом на их неразумную заботу была строгая отповедь, данная Христом Спасителем: *кто Матерь Моя? и кто братья Мои? И, указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: вот матерь Моя и братья Мои; ибо, кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат и сестра и матерь* (Мф. 12,48–50).

Пресвятая Дева-Мать поняла урок, данный Ее Божественным Сыном тем, кто пытался помешать Его миссии спасения человечества, а сводные братья почувствовали себя обиженными. Эта обида прорвалась впоследствии в продиктованных маловерием словах:

Ибо никто не делает чего-либо втайне, и ищет сам быть известным; если Ты творишь такие дела, то яви себя миру... На это Иисус сказал им: Мое время еще не настало, а для вас всегда время; вас мир не может ненавидеть, а Меня ненавидит, потому что Я свидетельствую о нем, что дела его злы (Ин. 7,4–7).

Когда Иисус, сопровождаемый неверием, пришел наконец в родной Назарет, Он не совершил там никаких чудес. Вместо того Спаситель вошел в синагогу и перед всеми исповедал Себя Мессией, посланным от Бога *исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение и узни-*

кам – *открытие темницы* (Ис. 61, 1). В ответ земляки потребовали от Него таких же знамений, какие Он являл в других городах. Иисус отказал: *истинно говорю вам: никакой пророк не принимается в своем отечестве* (Лк. 4,24). Тогда местные законники, невольно подтверждая эти слова Христа, пришли в ярость и вытолкали Его из синагоги. Затем разъяренная толпа начала теснить Иисуса к крутому обрыву, намереваясь сбросить Его вниз. Среди присутствовавших в синагоге был Иуда, сводный брат Христов. Поняв фарисейский замысел, он бросился расталкивать толпу, чтобы предупредить Иисуса об опасности. Он не успел, да и помощь его оказалась ненужной. На краю пропасти Христос внезапно остановился и властным взглядом отбросил прочь наследивших на Него убийц, потом, *прошед посреди них, удалился* (Лк. 4,30). Иисус уходил по дороге, ведущей в город Капернаум. Движимый неясным ему самому чувством, Иуда поспешил вслед своему таинственному Брату.

В Капернауме понял Иуда, кто Тот, Кого он раньше считал просто младшим братом, с Кем раньше небрежно здоровался каждый день, Кому он когда-то отказал в жалком клочке земли. В капернаумской синагоге дивился Иуда вместе со всеми учению Иисуса, *ибо слово Его было со властью* (Лк. 4, 32). Вместе со всеми видел Иуда, как исцеляет Спаситель больных и бесноватых, и даже бесы, покидая людей, кричат Ему: *Ты Христос, Сын Божий* (Лк. 4,41). Иуда понял, что жил долгие годы рядом с Божественным Мессией и не толь-

ко не умел служить Ему, но и оскорбил Его в дни своей юности. За Христом следовало множество самых разных людей: и охочих до зрелищ зевак, и ищущих исцеления больных, и немного истинных последователей, жаждавших правды Божией. Спаситель никого не отгонял от Себя. В этой толпе спешил за Ним и Иуда – уже не как брат, а как раб, смиренный и кающийся, готовый к любому служению.

И наступил час избрания и призвания. Из множества народа Спаситель привлек к Себе ближайших учеников – тех, кому предстояло просветить весь мир Истиной Христовой. Уже прозвучало десять имен, а потом – неожиданной сладчайшей радостью коснулся слуха одиннадцатого избранника зов Господень: *«Иуда, сын Иосифов!»*

Как ликовал святой Иуда в этот миг! Господь Иисус простил его – и за тот давний грех, когда слепая корысть заглушала в нем братские чувства, и за высокомерную небрежность старшего брата, и за совсем еще недавнее неверие в Божественное достоинство Христа. Не первым призвал и не самым близким к Себе сделал Иисус Своего сводного брата: его превосходили сильнейшие духом апостолы Петр, Иоанн и Иаков Зеведеевы. Господь чужд лицепрятия: в числе двенадцати избрал Он Иуду вовсе не как родственника, а как человека, способного к благовестническому служению.

Святой Иуда не завидовал другим апостолам: он считал себя самым недостойным, возвышенным до избранничества только милостью Всепрощающего Господа. Выжигая из себя

былые пороки: корыстолюбие, тщеславие, маловерие, недостаток любви, – он всем сердцем устремлялся ко Христу Спасителю. Эта искренность чувства была замечена в апостольском кругу, и святой Иуда получил прозвание Фаддей, или Леввей, что значит: человек сердца.

При всем этом святой Иуда еще оставался в плену иудейских представлений о роли Мессии, думая, что Иисус создаст земное всемирное Царство. Спаситель возвещал Своим ученикам о Своем единстве с Небесным Отцом, говоря: *Еще немного, и мир уже не увидит Меня; а вы увидите Меня, ибо Я живу, и вы будете жить... Кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцем Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам* (Ин. 14, 19, 21). Святой Иуда-Леввей дерзнул спросить: *Господи! Что это, что Ты хочешь явить Себя нам, а не миру?* (Ин. 14,22). Апостол еще не понимал, что Царство Божие не собирается силой властвовать над миром, – оно приходит в сердца любящих и ведет их к вечному небу.

Иисус сказал ему в ответ: кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим... Мир оставлю вам, мир Мой даю вам: не так, как мир дает, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается (Ин. 14,23, 27).

То же имя, что и сводный брат Господа, носил еще один ученик – Иуда Искарот. Он был слишком привержен к земным благам и также верил в земное могущество Мессии-Христа. Убедившись, что Спаситель не обещает ни то-

го ни другого, он совершил страшное – предал Божественного Учителя. Потом этот несчастный не вынес тяжести собственного преступления, впал в отчаяние и удавился. Чтобы с Иудой-предателем не путали святого Иуду, брата Господней, святые Евангелисты именуют его Фаддеем или Леввеем.

Человек сердца, святой Иуда-Леввей устоял в любви Господней. После Воскресения и Вознесения Христова он вместе со всеми апостолами сподобился сошествия Святого Духа Утешителя, укрепившего их для великих деяний.

Апостол Иуда проповедовал святую веру в Палестине и Аравии, затем проследовал в Месопотамию, в Персию. Это был край самого изощренного и темного язычества, знаменитых халдейских и персидских магов. Еще во времена вавилонского пленения иудеев халдеи начали совращать их своим тайным знанием – так возникла иудейская каббала. Теперь из того же древнего чернокнижия служители тьмы извлекали оружие против истины Христовой – гностические ереси. С коварными влияниями гносиса столкнулся апостол Иуда во время путешествий по странам Востока.

Гносис представлял собой как бы древний гиперэккуменизм: попытку заразить христианство языческими мудрованиями, включить его в ряд ложных культов, отравить чистую истину колдовской ложью. Гностики были полупоэты-полуфилософы. Они претендовали на некое ведение, якобы высшее в сравнении с Христовым Благовестием. Умственным блудом они заражали своих последователей: рассуж-

дали о «происхождении небесных сфер», «духовных мирах эонов», «тайнах ангельского служения», в своих вымыслах смешивая христианское учение с разнообразной бесовщиной и богохульством. Преисподнее происхождение гнозиса вполне обнаруживалось тем, что «высокое чистое знание» гностиков сочеталось с нравственной грязью и мерзостью. Духовную свободу, дарованную Христом Искупителем, еретики кощунственно толковали как безразличие к любому греху, как вседозволенность. Еретики поощряли разврат как способ ослабления плоти для освобождения духа. Это был смрадный дух языческих мистерий и оргий. Умственный блуд приводил к блуду физическому. При этом гностики дерзали называть себя христианами, причем более посвященными, чем обычные простецы. Об этих лукавых еретиках апостол Иуда пишет: *А сии злословят то, чего не знают; что же по природе, как бессловесные животные, знают, тем растлевают себя* (Иуд. 1, 10).

Яд гностической лжи широко разливался по миру. Соблазн тайного знания действовал и на охочих до философствований греков, и на склонных к мудрованиям иудейских книжников. Даваемое еретиками «разрешение на все» соблазняло плотоугодников, которым казались тяжелы высочайшие нравственные требования учения Христа Спасителя. Святой Иуда-Леввей счел своим долгом предостеречь верных от еретической пагубы. Из Персии он направил свое Соборное Послание – краткое, но исполненное благодатной

силы, разоблачающее ложь и развенчивающее ее приверженцев.

Возлюбленные!., я почел за нужное написать вам увещание – подвизаться за веру, однажды преданную святым, – обращается апостол к христианам, предупреждая об опасности. – Ибо вкрались некоторые люди... нечестивые, обращающие благодать Бога нашего в повод к распутству и отвергающие единого Владыки Бога и Господа нашего Иисуса Христа (Иуд. 1,3–4).

Еретики отвержены от Христа Господа, так как обманывают людей, учат не тому, чему учил Спаситель, и дерзают нарушать святые Его заповеди, прикрываясь словами апостола Павла о христианской свободе (1 Кор. 8, 9; 2 Кор. 3, 17). Свобода дарована людям их Спасителем не для того, чтобы они еще глубже погружались в греховную скверну, а для подлинного духовного совершенствования во Христе. Христос освободил человечество от рабства греху и диаволу, от рабства ветхозаветному Закону, мелочно и страхом удерживавшему человека от греха, но не для разнузданости. Безгрешный Иисус требует от Своих последователей чистоты не только дел (что требовалось от ветхозаветного иудея), но и помыслов. Осквернивший себя нечистыми поступками не может быть живым храмом Пречистого Божества, как к тому он призван, по словам апостола Павла: *Какая совместность храма Божия с идолами? Ибо вы храм Бога живаго, как сказал Бог: вселюсь в них и буду ходить в них; и буду их Бо-*

гом, и они будут Моим народом (2 Кор. 6, 16). Не имея страха Господня, нечестивцы являются на христианские вечера любви, своим бесстыдным поведением сеют соблазн среди верующих, кощунственно насмеваются над Божественными Таинствами и над Церковью, считая их уделом низших – душевных, в то время как себя считая высшими – духовными людьми, кичась «знанием».

Напрасно эти суемудры надеются избежать ответа за свои непотребства. Правосудный Бог низверг в вечный мрак изменивших Ему ангелов, огнем и серой затопил развратные города Содом и Гоморру, предал погибели в пустыне неверных иудеев. И апостол говорит о еретиках: *Горе им, потому что идут путем Каиновым, предаются обольщению мзды, как Валаам, и в упорстве погибают, как Корей* (Иуд. 1,11).

Напрасно гностики пытаются судить вкривь и вкось об Ангелах Божиих, выстраивая свои громоздкие умствования. При этом они оказываются своего рода религиозными революционерами, выступая против властей и тем навлекая гнев язычников на настоящих христиан, радеющих о собственном спасении: *Казнь огня вечного ожидает мечтателей, которые оскверняют плоть, отвергают начальства и злословят высокие власти* (Иуд. 1, 7–8). Напрасно лжеучители кичатся якобы духовным знанием: их мудрования всего лишь плод падшей душевности: *Это люди, отделяющие себя от единства веры, душевные, не имеющие духа* (Иуд. 1,19). Им совершенно недоступна истина, даруемая лишь учением

Христа и откровениями Святого Духа Божия в Церкви Христовой.

Лжеучителей апостол называет *осенними деревьями, бесплодными, дважды умершими, исторгнутыми* (Иуд. 1, 12). Они не только иссушены холодом собственной лжи, но окончательно умертвили свои души и никогда не могут принести доброго плода. Они подобны *морским волнам, пенящимся срамотами своими* (Иуд. 1, 13), – из взбаламученного рассудка и нечистого сердца они выбрасывают в мир всякую высокопарную глупость и мерзость. Они – как носимые ветром пустые облака, неспособные излиться животворным дождем, и как блуждающие звезды, пропадающие в вечном мраке. Появление таких лжецов предвозвещено Самим Христом и Его Духоносными учениками – и апостол Иуда напоминает: *Но вы, возлюбленные, помните предсказанное апостолами Господа нашего Иисуса Христа: они говорили вам, что в последнее время появятся ругатели, поступающие по своим нечестивым похотям... А вы, возлюбленные, назидая себя на святейшей вере вашей... сохраняйте себя в любви Божией* (Иуд. 1, 17–18, 20).

Но как же быть с еретиками? Святой апостол учит различать среди них заблудших – соблазвившихся по невежеству, еще могущих покаяться и обратиться к Христовой истине. Таких еще можно вернуть в лоно Христовой Церкви вразумлением и страхом адского пламени, в которое приводят кривые еретические пути: *И к одним будьте милостивы,*

с рассмотрением, а других страхом спасайте, исторгая из огня (Иуд. 1,22–23). Но борьба с дьявольской ложью требует от самих верных осторожности. Ересь опаснее чумной заразы, соприкосновением с ее носителем можно осквернить собственную душу. И если пространство вокруг святых людей наполнено Ангелами Божиими, то вокруг лжеучителей наполнен бесами, ибо все вокруг себя они отравляют нравственной скверной. И апостол предупреждает: *...обличайте же со страхом, гнушаясь даже одеждою, которая осквернена плотью* (Иуд. 1, 23).

В первые столетия христианства Святая Церковь повсеместно одержала победу над гнозисом. Потом сатанистская ложь тлела подспудно, чтобы затопить смрадным потоком ересей средневековую Европу.

Общим корнем всех этих агрессивных сект видится учение катаров – «чистых», как они себя называли. Странная это была чистота. Даже прикоснуться к оружию считалось осквернением, но одновременно боевики-катарелли разрушали храмы, грабили, убивали. Практиковалась «эндюра» – ритуальное самоубийство больных и стариков. Объявлялось мерзостью законное супружество – зато приветствовалась свободная любовь, внебрачные связи, свальный блуд. Одна из еретических общин, секта анабаптистов, ввела многоженство; их вожаки насилием брали женщин в свои гаремы, отказавшихся ждала казнь. Из-за войн, которые вели еретики, страны Европы десятилетиями были затопляемы

кровью. Такова была «чистота» катаров. При этом, подобно древним гностикам, все эти богомилы и альбигойцы, адамиты и анабаптисты и прочие хвастались обладанием «тайным мистическим знанием», якобы превосходящим учение Святой Церкви. До сути этой «мистики» дошли секты «братьев свободного духа» и «апостольских братьев», начавших откровенно поклоняться Люциферу. Так опять сбывалось апостольское предсказание о *ропотниках, ничем не довольных, поступающих по своим похотям (нечестиво и незаконно)* (Иуд. 1, 16).

Среди духовной смуты конца XIX – начала XX века часть российской интеллигенции занялась богоискательством. Участники религиозно-философских собраний кричали об отсталости и омертвлении Православной Церкви и одновременно обращались к источникам ложной и чуждой духовности: оккультизму, теософии, антропософии (из тех же преисподних колодцев почерпнуто модное в недавние дни рерихианство). И здесь также примешивалась нравственная грязь – Д. Мережковский, З. Гиппиус, В. Розанов мудрствовали о святой плоти, пытаясь дать философско-мистическое обоснование пошлейшему разврату.

Другое крыло той же интеллигенции рассуждало о социальной справедливости, подстрекая народ к революционному братоубийству (средневековые еретики, кстати, тоже звали к «всеобщему равенству и раю на земле»). Эти справедливы хулили Русскую Церковь, называя ее оплотом про-

клятого самодержавия. Суемудры накликали бурю на свою родину и на собственные головы. Богоборческая революция уничтожила или вышвырнула в эмиграцию большинство интеллигенции, страшно истерзала Россию и на семьдесят лет погрузила ее в мрак бездуховности. Но в те же годы якобы омертвевшая Русская Православная Церковь просияла верностью Христу Спасителю – в Небесное Царство вознеслось созвездие Российских новомучеников за святую веру. Страдание нашего Отечества – плод деятельности все тех же мудрствующих, *отвергающихся Единого Владыки Бога и Господа нашего Иисуса Христа* (Иуд. 1,4), от которых предостерегал апостол Иуда-Леввей.

И в 90-е годы прошлого века в духовно обескровленную Россию ринулись разнообразные еретические секты. И у многих из них «мистическое знание» было смешано с нравственной грязью. Таковы ревнители многоженства мормоны. От средневековых катаров-богомиллов отпочковалось дикое «Белое братство». Лжепророку Муну врачи-психиатры поставили диагноз: сексуальный маньяк. У более «тонких» еретических группировок сладкими словами о христианской любви тоже прикрывается сатанистская ложь.

Их цель – разрушить Русскую Православную Церковь, лишить души русских людей вечного спасения. Как огня вечного, надобно нам остерегаться увлечения всякими «тайными и высшими знаниями», ибо за ними – сатанинские бездны. Не имеющим достаточного духовного опыта не следу-

ет вступать не только в пререкания, но и в любое общение с носителями демонской прелести, по совету апостольскому гнушаясь даже их одеждой (Иуд. 1, 23). Попытки обратить на путь истины закоренелых еретиков обычно не только бесплодны, но и могут осквернить душу и ум тех, кто вступает с ними в спор. Всякая логика бессильна против бесовского упрямства. По слову святых отцов, обращение находящихся в прелести возможно только при особой милости Божией, благодатным вмешательством Самого Всевышнего. Нам же дарована ясная и чистая Христова истина, которую со времен апостольских свято сберегла для нас Православная Церковь. Мы должны беречь как зеницу ока спасительное сокровище Православия. По слову апостольскому, мы призваны *подвизаться за веру, однажды преданную святым* (Иуд. 1,3).

Но случается, что даже среди тех, кто считает себя православными, распространяется душепагубное поветрие радостной вседозволенности. Это дух протестантской ереси, а отнюдь не Православия. Отступники убаюкивают человеческое сознание сказками про «доброе всепрощающего Боженьку», Который конечно не станет наказывать грешников, ибо Ему не свойственна мстительность. Но они забывают, что Бог настолько уважает человеческую свободу, что не покушается на то, чтобы заставить человека быть добрым. Но совершающие грех сами себя отчуждают в вечной жизни от Бога и тем подпадают под действие правосудия Божия. Хри-

стос Господь пришел призвать грешников к покаянию и исправлению, а отнюдь не поощрять греховные мерзости. Горе тем, *кто разрешает себе все* и тем оскорбляет Пречистого Спасителя! Мы должны исполнять заповеди Христа и Святой Церкви Его. А ведь немало таких, которые редко посещают храмы, не держат постов, некоторые даже блуд считают мелким, простительным грешком. Такое легкомыслие оборачивается духовным самоубийством. Поступающим нечестиво и незаконно *блюдется мрак тьмы на веки* (Иуд. 1, 13), – говорит апостол.

Соборное Послание апостола Иуды, вошедшее в канон Нового Завета, на все времена остается духовным оружием против тех, кому хотелось бы исказить или «облегчить» христианство. Это – грозное предостережение тем, кто предается умственному блуду и ходит вслед собственных похотей. А верных, хранящих себя в чистоте от еретических мудрований и греховных соблазнов, на все века благословляет святой апостол: *милость вам и мир и любовь да умножатся* (Иуд. 1, 2).

Не дерзая назвать себя *братом Господним по плоти, раб Иисуса Христа* апостол Иуда-Леввей ссылается на родство с тем, кто с юности сохранил право на это высочайшее звание. Он именуется *братом Иакова* — того из сыновей праведного Иосифа Обручника, который некогда с братской любовью разделил свою землю с Отроком Иисусом, а потом прославился столь безукоризненным житием, что его почитали

за праведника не только христиане, но и закосневшие в обрядовости Ветхого Завета иудеи. *Брат Господень* святой Иаков был епископом Иерусалимской Церкви; христоненавистники-фарисеи зверски убили праведника, сбросив его с крыши храма, когда он исповедовал Христа истинным Мессией и Сыном Божиим. Преемником праведного Иакова в возглавлении иерусалимских христиан стал его младший брат – апостол Иуда Иаковлев (то есть брат Иакова), как он назвал себя сам (Иуд. 1,1) и как именует его один из святых Евангелистов (Мк. 6, 3).

Над Иерусалимом сбылось пророчество Господа Иисуса: город богоубийц-фарисеев был захвачен и опустошен римлянами, разрушен знаменитый храм Соломонов, которым законники так гордились. И само это место было вспахано, так что от покинутой Богом древней святыни не осталось камня на камне. Видимо, в это время святой Иуда-Леввей покинул разгромленный Иерусалим и вновь отправился проповедовать слово Божие дальним народам. Этот великий духом *раб Иисуса Христа* засвидетельствовал свою верность Господу мученической кончиной. В Армении, у подножия гор Араратских, апостол был схвачен языческими жрецами, подвергнут жестоким истязаниям, а затем распят на кресте и пронзен стрелами. Так уже не земным, а духовным родством вошел святой Иуда Иаковлев в славу брата Господня. Чистейшая его душа, закаленная апостольскими подвигами, вознеслась в Небесное Царство – в вечноблаженную

семью любвеобильного Бога, где Иисус Сладчайший принимает всех святых и верных как братьев в Свои объятия.

И ныне с Горних высот зовет нас брат Господень святой Иуда вступить в счастливейшее небесное братство. И ныне внятн нам его благодатный, спасительный призыв: *Сохраняйте себя в любви Божией* (Иуд. 1,21).

Возлюбленные о Господе братья и сестры!

Святая Церковь воспевае апостола Иуду Иаковлева как *мученика тверда, прелесть поправша, и веру соблюдиша*. Так да научат нас житие и слово духоносного апостола хранить нерушимо дарованную нам Христову Истину, отметить от себя диавольскую прелесть ересей и нечистых соблазнов. Так да преподаст нам страстотерпец Господень умение мужественно переносить все испытания и страдания, выпадающие нам в земной жизни. Так да примет нас брат Христов в общение с собою, в пресветлую семью *освященных Богом Отцем и сохраненных Иисусом Христом* (Иуд. 1,1).

Великий духом апостол Иуда-Леввей всю жизнь оплакивал совершённый им в юности грех: недостаток любви к своему сводному брату Иисусу. А мы с вами всегда ли проникнуты истинной любовью к своим родным и близким, всегда ли готовы милосердствовать и благотворить им, *носить их немощи*? Увы! Как часто мы осуждаем их и ссоримся с ними, гневаемся даже до ненависти. А ведь в каждом из наших ближних сокрыт образ Христов, за каждого из них про-

лита Пречистая Кровь Спасителя. Оказывая же ближнему милость и любовь, мы тем угождаем Самому Вселюбящему Господу, а наше немилосердие – это оскорбление любви Христовой. Станем же не судить и законничать, а прощать и благодворить, так да умножится любовь наша взаимная – и умножится к нам любовь Всевышнего.

Высокий путь служения смиренного *раба Иисуса Христа* апостола Иуды Иаковлева привел его в лучезарное Царство бессмертной славы. Ныне, светло празднуя память великого апостола, воспоем вместе с ним в смирении и страхе Божи-ем: *Могущему... соблюсти нас от падения и поставить пред славою Своею непорочными в радости, Единому Премудрому Богу, Спасителю нашему чрез Иисуса Христа Господа нашего, слава и величие, сила и власть прежде всех веков, ныне и во все веки* (Иуд. 1, 24–25).

Аминь.

Слово в день памяти святителя Иова, Патриарха Московского и всея Руси (19 июня / 2 июля)

*В годину лютых искушений многострадальному
Иову подобяся, в жертву живу и непорочну себе
Христу принеся еси, обратив паству к покаянию,
терпеливе Иове святителю.
Кондак святителю Иову Московскому*

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!
Дорогие во Христе отцы, братья и сестры!

Сегодня мы празднуем память святителя Иова, Патриарха Московского и всея Руси (1525–1607) – первого в истории Патриарха Русской Церкви, верного служителя Христова, защитника Православия, ревностного пастыря, который, подобно своему Господу, «положил душу свою за овец своих» (ср. Ин. 10, 11).

Будущий святитель родился около 1525 года в городе Старица под Тверью и во Святом Крещении получил имя Иоанн. Отец мальчика, хотя и был происхождения незнатного, стремился дать сыну хорошее образование и потому по достижении надлежащего возраста отправил мальчика для книжного обучения в Успенский Старицкий монастырь – в те годы именно монастыри на Руси были главными центрами учености, как духовной, так и светской.

Обучать способного мальчика взялся сам настоятель обители, архимандрит Герман, человек не только умный и образованный, но и добродетельный и духовно опытный. Под его руководством Иоанн изучал Священное Писание и творения святых отцов, причем многие Священные тексты выучил наизусть. «Всю Псалтырь, и Апостол, и Евангелие без книг толкование сказывал и читал», – говорится в его жизнеописании. Впоследствии эти навыки очень пригодились святителю Иову: в глубокой старости, полностью ослепнув, он продолжал служить Литургию по памяти.

Обучался Иоанн и переписыванию книг – в те времена

это было настоящим искусством, – а также основам риторики. За всеми этими науками наставник Иоанна архимандрит Герман не забывал и о духовном развитии своего подопечного. Мальчик принимал деятельное участие в монастырской жизни, учился молиться, пел в монастырском хоре и исполнял обязанности чтеца за богослужениями. Монашеская жизнь и монашеское делание, которые Иоанн в течение нескольких лет непрерывно наблюдал не в качестве паломника, а как бы изнутри, весьма привлекали его, и постепенно в его юной благочестивой душе зародилось и день ото дня крепло желание, подобно братии Успенского монастыря, без остатка посвятить свою жизнь Богу в иноческом образе.

Когда Иоанн окончил обучение и вернулся из монастыря к родителям, он был уже взрослым юношей и окончательно решил принять монашество. Однако родители воспротивились этому: разве для того они так старались дать сыну образование, чтобы теперь он оставил все, отказался от возможной карьеры и навсегда ушел в монастырь? Отец решил срочно женить Иоанна, не поинтересовавшись, хочет ли этого он сам. Уже была найдена невеста и назначен день венчания... Но перед самой свадьбой Иоанн отпросился у отца на беседу со своим духовным наставником, архимандритом Германом. А тот, вняв слезным просьбам юноши, тут же на месте постриг его в монахи, сделав для него исключение из строгих иноческих правил о послушническом искусстве. Ведь Иоанн уже, по сути, не один год послушничал в

этой самой обители, под руководством самого Германа, так что архимандриту были прекрасно известны и состояние его души, и твердость его намерения принять монашество. А в сложившейся ситуации только немедленный постриг мог вывести юношу из-под власти родителей и не дать им сломать сыну – да и его нежеланной невесте – всю оставшуюся жизнь.

Дорогие мои! Эта история – не просто один из эпизодов жития святителя Иова, но и важный урок для всех нас, особенно для тех, кто воспитывает детей. Ведь и в наше время, хотя государственные законы больше не наделяют отца и мать такой практически безграничной властью над взрослыми детьми, как это было во времена святителя, мы все же нередко наблюдаем похожую картину: родители стараются любой ценой настоять на своем, оказывают на свое чадо всяческое давление, пускают в ход все возможные приемы – от бессовестной игры на сыновних или дочерних чувствах (например, шантажа собственным здоровьем, угроз самоубийства) до прямого рукоприкладства. И это касается не только монашеского пострига. Такие же драмы разыгрываются, если родителям по каким-либо причинам не нравится спутник жизни их чада, выбранная им профессия, методы воспитания детей, даже стиль одежды... Поломанные судьбы, подорванное здоровье становятся результатом гордыни родителей, мнящих себя чуть ли не равными Богу, желающих в своем ослеплении быть всегда и во всем единственно правыми!

Стоит вспомнить, что наши дети на самом деле не столько наши, сколько Божии, так же как и мы сами. Господь на некоторое время доверил нам их воспитание, подарив нам, по великому милосердию Своему, удивительную возможность соработничества Ему в процессе создания и формирования нового человека, – но все же настоящим Отцом является только Он. И этот Отец в Своей великой любви дает каждому из Своих детей свободу воли, свободу выбора – так кем же мы мним себя, покушаясь на эту свободу?

Конечно, если наши дети хотят совершить нечто греховное, мы должны постараться удержать их от этого. Но если их выбор в той или иной сфере жизни противоречит не Божиим заповедям, а всего лишь нашим собственным планам, желаниям, вкусам – нужно просто принять его, как выбор взрослого человека, взрослого христианина. Возможно, именно в этом и состоит их истинное призвание, следуя которому они смогут послужить Богу. Посмотрите – юноша Иоанн послушался родителей, но этот его поступок принес добрые плоды, дав миру удивительного подвижника. А что было бы, если бы отцу Иоанна все же удалось бы настоять на своем, удержать сына от ухода в монастырь? Вероятно, и в этом случае Иоанн прожил бы жизнь добродетельную – но вряд ли совершил бы столь же славные дела и сыграл бы столь же великую роль в жизни Церкви и своего отечества...

Итак, Иоанн – теперь уже инок Иов – начал подвизаться в Старицком монастыре уже не как воспитанник и по-

слушник, но как один из братии. Несмотря на молодость, он вскоре весьма преуспел в монашеских подвигах и добродетелях и стяжал всеобщие любовь и уважение. «Во дни же его не обретался человек подобен ему ни образом, ни нравом, ни гласом, ни чином, ни поступью, ни вопросом, ни ответом... Дарование Божие бысть ему паче же прочих человек», – вспоминают современники о монахе Иове. Со временем Иов был поставлен настоятелем Старицкой обители, в 1581 году рукоположен в епископский сан на кафедру подмосковного города Коломны, в 1586 году стал архиепископом древнего и славного Ростова Великого, а затем и митрополитом стольного града Москвы, то есть Предстоятелем всей Русской Церкви. Несмотря на столь значительное возвышение, святитель Иов не возгордился, но оставался все таким же, как и в Старицкой обители, смиренным монахом и пастырем, ставящим превыше всего не собственные славу, власть и почет, но истину Христову и благо Церкви и паствы.

На этом смиренном епископе предстояло в полной мере сбыться евангельским словам Самого Господа: *Всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится* (Лк. 18, 11). Святителю Иову предстояло стать не только архиепископом и митрополитом, но и первым в истории Патриархом Всероссийским.

В те годы в политической жизни Руси происходили значительные изменения. Умер Грозный царь Иоанн Васильевич, много лет державший в смертном страхе собственную

страну, и престол Русского царства занял его сын, совершенно не похожий на жестокого отца, – благочестивый и милостивый Феодор Иоаннович. Некоторые историки пытались представить Феодора «слабоумным». И действительно, на фоне собственного отца, бояр и вообще большинства государственных деятелей своего времени этот царь выглядел весьма странным человеком, «не от мира сего», ибо не желал интриговать, не вел захватнических войн, не стремился по чужим трупам к безграничному росту собственной власти и не стеснялся открыто советоваться по различным вопросам со своими приближенными и даже с собственной женой Ириной. Но если судить не столько по чужим оценкам, сколько по непосредственным поступкам Феодора Иоанновича, естественнее будет предположить, что в его лице Руси посчастливилось увидеть не так уж часто, увы, встречающийся тип правителя – искреннего христианина на троне. Феодор Иоаннович заботился прежде всего о благоденствии своего отечества и об укреплении Церкви. И потому неудивительно, что именно в его царствование был, наконец, поднят давно назревший вопрос о независимости Русской Церкви от Церкви Константинопольской, которая сама находилась под гнетом турецкого султана.

Как известно, со времени Крещения Руси Русская Православная Церковь не была самостоятельной Поместной Церковью, но входила в Константинопольский Патриархат в качестве митрополии. Это было совершенно естественно и за-

кономерно: ведь именно греческие миссионеры, посланцы Константинопольской Церкви, принесли в славянские земли – в том числе и на Русь – свет веры Христовой; греки же, рукоположенные Константинопольским Патриархом, были первыми священниками и епископами Русской земли. Впоследствии, когда на Руси уже выросли первые поколения христиан и появились собственные, русские по крови и воспитанию клирики всех степеней, верховная юрисдикция Константинопольской Церкви все еще сохранялась над Русской Митрополией, хотя к этому времени она и обрела уже значительную долю самостоятельности: чтобы создать подлинно православную традицию и культуру и дать ей прочно укорениться в народной почве, недостаточно двух-трех веков, тем более если речь идет о стране, не имевшей до прихода христианства даже собственной письменности, не говоря уже о развитой духовной культуре, пусть и языческой (как это было, например, в Греции, Риме и Египте). Руси все еще необходимо было верховное руководство более опытной во всех отношениях Церкви.

Но к концу XVI века ситуация была уже во многом иной. Да, русская церковная и светская ученость по-прежнему не шла ни в какое сравнение с греческой, а главным центром православной духовности оставался греческий Афон, а не Киево-Печерская Лавра или московские обители. Но все же, с одной стороны, Русской Церковью уже был накоплен достаточный опыт, чтобы обрести самостоятельность, а с другой

– как уже говорилось, сама Церковь Константинопольская, увы, не могла больше называться полностью независимой. За век до описываемых нами событий, в 1453 году, Константинополь вместе с остатками Византийской империи подпал под власть иноверцев-османов, и хотя Православной Церкви султаном Мехметом Завоевателем были дарованы значительные преимущества и полномочия, все же Патриархи Константинопольские с этих пор во многом зависели от мусульманских правителей Османской империи. Ведь в случае неповиновения султану гибель грозила не только лично Патриарху, но и значительному числу его единомышленников. А через Патриарха как главу Поместной Церкви османские султаны могли влиять и на подчиненные Константинополю митрополии, в том числе и те, что находились за пределами владений османов, – например, на Русскую Митрополию.

Конечно, подобная ситуация была ненормальной и недопустимой. Вероятно, она давно была бы решена – если бы русские правители меньше внимания уделяли собственной власти и больше – благу страны и Церкви. Но, увы, великий князь Московский Василий III был слишком озабочен отсутствием у него наследника и ради этого готов был даже пойти на разрыв с Православной Церковью, запрещающей расторжение законного венчанного брака по причине бесплодия супруги, – а потому и не был особенно заинтересован в укреплении позиций и расширении полномочий

митрополита Московского и всея Руси. Родившийся же в результате наследник, Иоанн Васильевич Грозный, обуянный гордыней и жестокостью, ставил самого себя превыше всех и вся и стремился не возвысить Московского митрополита, а, напротив, подчинить Русскую Церковь своей власти, свидетельством чему являются печальные истории убийства священномучеников Германа Казанского и Филиппа Московского. Поэтому окончательно решить проблему зависимости Русской Церкви предстояло благочестивому царю Феодору Иоанновичу.

Обсуждение этой проблемы началось в 1586 году, когда на Русь прибыл с визитом Патриарх Антиохийский Иоаким VI, и достигло своего апогея в 1588 году, когда Москву посетил Патриарх Константинопольский Иеремия II. После долгих и трудных переговоров Патриарх, наконец, согласился с доводами царя, его окружения и русских иерархов о том, что Руси необходимо иметь своего Патриарха – Всероссийского. На эту высокую должность единодушно был избран смиренный Московский митрополит – святитель Иов. И вот 26 января 1589 года в Успенском соборе Московского Кремля Патриарх Иеремия и русские иерархи совершили торжественный чин возведения святителя Иова на престол Патриарха Московского. А вернувшись в Константинополь, Патриарх Иеремия созвал Собор восточных иерархов, который одобрил учреждение Патриаршества на Руси и окончательно утвердил патриаршее достоинство за предстоятелями Рус-

ской Церкви.

Патриаршее служение святитель Иов исполнял с теми же усердием, любовью и смирением, как и прежде. Он неустанно заботился об укреплении веры в своей пастве, о поднятии нравственности в среде духовенства, о духовном просвещении русского народа: при нем были отпечатаны во множестве экземпляров и широко распространены по всей Руси Священное Писание, творения святых отцов и богослужебные книги, причем в последние было внесено немало исправлений в соответствии с греческими и древнерусскими подлинниками, в тексты которых за столетия неоднократного переписывания от руки вкралось множество описок и ошибок, искажавших смысл и затруднявших понимание.

К концу XVI века Россия окончательно утвердила свое господство над сибирскими землями, и Патриарх Иов употребил немало усилий для подготовки пастырей-миссионеров, которые могли бы проповедовать веру Христову сибирским народам. Его трудами множество инородцев-иноверцев обратилось ко Христу.

Удивительно, но за многочисленными патриаршими заботами святитель Иов не оставлял и усердного иноческого делания. Занимая высокое положение, по сути равное царскому, он и в патриарших палатах оставался все тем же смиренным и нестяжательным монахом, каким был некогда в Старицком монастыре. «Постник всегда был, николиже не имея гортани своей никакого покоя ни в брашнах, ни в питии. И

всегда алчбу и жажду держал волею. И гладей был, а глас его был во обличение питающимся и упивающимся... И обычая своего яко в нищете убогого иночества, тако и в величестве, и в богачестве патриаршества никак не изменил», – пишет о нем старинное житие.

Но не долго радовалась Русская земля правлению благочестивого царя Феодора – в 1598 году он скоропостижно скончался, не оставив наследников, и на Руси началось страшное Смутное время, время жестокой борьбы за власть, в ходе которой страна, только что обретшая церковную независимость, едва не утратила независимость государственную, а вместе с ней и саму Православную веру.

Воспользовавшись тем, что ненадолго воцарившийся в Москве боярин Борис Годунов оказался слабым правителем, бедствия страны при нем не уменьшались, а недовольство народа росло, власть на Руси попытались захватить поляки. В 1604 году на западных границах Руси объявился их ставленник, самозванец Лжедмитрий I, выдававший себя за покойного сына Иоанна Грозного – царевича Димитрия, а значит – «законного наследника московского престола». Во главе большого польского войска самозванец двинулся на Москву.

Святитель Иов не мог не понимать, что господство поляков грозит русскому народу не только потерей государственности, но и потерей веры, – поляки стремились насадить на Руси римо-католичество. Не верил он и в то, что самозванец

действительно мог быть сыном Грозного. Святой Патриарх неустанно призывал свою паству сопротивляться захватчикам, рассылал по всей стране обличительные грамоты, убеждая народ не верить Лжедмитрию. Самого же Лжедмитрия и его сообщников Иов публично предал анафеме как злодеев и еретиков, замышляющих «церкви Божии разорять, и веру христианскую поправить, и учинить в российском государстве во святых Божиих церквах костелы латынские».

И все же самозванцу, после смерти Бориса Годунова, удалось с торжеством войти в столицу, где он незамедлительно принялся насаждать польско-католические порядки. Святитель Иов был одним из немногих, кто отважился открыто противостоять Лжедмитрию, отказался присягать ему на верность и обличал его как самозванца и узурпатора. Конечно, подобного поведения предстоятеля Русской Церкви Лжедмитрий стерпеть не мог. Однажды во время Литургии в Успенском соборе, которую совершал сам Патриарх, в храм ворвались сторонники самозванца, сорвали со святителя облачение и с побоями и издевательствами вытащили из храма. Смерти святителю удалось избежать лишь чудом: большинство погромщиков, не обращая внимания на избитого старца, убежали грабить патриаршие палаты, где якобы хранились «несметные сокровища», хотя на самом деле Патриарх Иов не имел практически никакого имущества. Святителя же на простой телеге, в рубище отослали в Старицкий Успенский монастырь, объявив его низложенным и лишен-

ным сана.

Но дух святителя сломить не удалось. Он был смирен, но отнюдь не слаб и безволен; ведь истинное смирение – не какая-то безвольная пассивность, за которую его многие ошибочно принимают, а поставление Бога в центр своей жизни и безграничное упование на Него. Благодаря этому смирение не есть слабость, но, наоборот, подлинная сила, подлинный внутренний стержень, сломать который невозможно. Святитель и в монастыре – по сути, в заточении – продолжал выражать открытое неповиновение узурпатору.

Вероятнее всего, святителя Иова ждала та же участь, что и несколькими десятилетиями ранее – опального митрополита Московского Филиппа (Колычева), убитого в своей келье-камере приспешниками Грозного. Но самозванец не успел расправиться с непокорным святителем – в 1606 году Лжедмитрий был свергнут и убит, а в Москве воцарился потомок Рюриковичей, князь Василий Шуйский. Московские бояре и иерархи Русской Церкви молили святителя Иова возвратиться на оставленную не по своей воле кафедру и венчать на царство нового государя. Но святой старец за время своего заключения полностью ослеп, здоровье его после нанесенных слугами самозванца побоев так и не восстановилось, и он предпочел уйти на покой все в том же Старицком монастыре, где некогда начинал свой иноческий путь. Занять Патриарший престол святитель благословил митрополита Казанского Гермогена, которому также впоследствии

предстояло сыграть великую роль в истории Церкви и отечества, мученически пострадать и быть прославленным в лике святых. Сам же святитель Иов, первый Патриарх Российский, мирно отошел ко Господу в 1607 году.

Дорогие во Христе отцы, братья и сестры! Лучший способ почитания святых – подражать их жизни. Конечно, не каждый из нас может стать епископом, не каждый может и приобрести такой всенародный авторитет и сыграть такую роль к истории родной страны, как это сделал святитель Иов. Но главное – подражать не внешней, а внутренней сути подвига святых угодников. Чему можем мы, простые люди, поучиться у святителя Иова Московского? Конечно, его верности Господу, его вере, его мужеству в отстаивании этой веры и в защите родной страны, его смирению и любви к людям.

И вот еще какой важный урок нам преподает житие святителя. В наше время вновь обрела популярность идея «Москва – Третий Рим», которая бурно обсуждалась в Патриаршество святителя Иова. Однако нынешние сторонники этой идеи нередко основывают на ней чуждые Евангельскому духу утверждения о превосходстве русского народа над всеми остальными народами, об исключительной святости Русской Церкви в сравнении с остальными Церквями – вплоть до того, что русский и славянский переводы Священного Писания объявляются «более точными», чем оригинал! Подобные нелепые утверждения мы сейчас разбирать не будем, их глупость очевидна; но задумаемся вот о чем: а можем

ли мы в действительности назвать современную нам Москву и себя самих, как членов Русской Православной Церкви, Третьим Римом, оплотом православной духовности? Послушаем, что говорит о Москве – Третьем Риме сам святитель Иов Московский в письме к Патриарху Константинопольскому: «В царствующем граде Москве и во всех его великих государствах российского царствия Христовою благодатью святая наша христианская вера яко солнце под небом сияет, и благочестивые лучи во всю вселенную испускает, и неверующих души просвещает, и от тьмы на свет обращает». Можем ли мы сказать это о сегодняшней России – стране, где едва лишь пять процентов населения регулярно посещают православные богослужения и участвуют в Таинствах, а остальные находятся – и часто вполне сознательно, по собственному выбору, в отличие от наших далеких языческих предков, – в погибельной тьме оккультизма, атеизма и просто равнодушия ко всему? Да и мы, те самые пять процентов, – всегда ли мы достойны имени христиан, всегда ли «испускаем благочестивые лучи» веры Христовой, просвещающие мир вокруг нас? И есть ли в таком случае у нас хотя бы повод – не говоря уже об оправдании – для гордости и превозношения над прочими народами?

Задумаемся об этом – и будем, подражая смиренному Патриарху Иову, не гордиться, но с христианским усердием и упованием на Господа постепенно преобразовать самих себя и мир вокруг нас, чтобы отечество наше в действительности

сти стало таким, каким хотел бы его видеть первый Всероссийский Патриарх. Будем просить у Господа укрепления на этом нелегком, но благодатном пути, будем испрашивать и молитв самого святителя Иова, восклицая:

«Да торжествует Церковь Христова и да радуется град Москва, яко возсия светильник земли Российский, во исповедании истины непоколебимый Иов Патриарх, его же молитвами, Господи, вся соблазны мира сего и ереси искорени, люди во благочестии настави и утверди в Православии».

Богу же нашему слава во веки веков.

Аминь.

**Слово в день памяти святителя
Иоанна (Максимовича),
архиепископа Шанхайского
и Сан-Францисского
(19 июня / 2 июля)**

*Попечение твое о пастве в странствии ея, се
прообраз и молитв твоих, за мир весь присно
возносимых: тако веруем, познав любовь твою,
святителю и чудотворце Иоанне.*

Тропарь святителю Иоанну Шанхайскому

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Дорогие во Христе отцы, братья и сестры!

Сегодня Святая Православная Церковь празднует память святителя Иоанна (Максимовича), архиепископа Шанхайского и Сан-Францисского (1896–1966). Его жизнь – замечательный пример того, что служить Господу и Его народу можно в любые времена и в любом месте, куда ни будет Ему угодно поставить человека, – лишь бы только сам человек всей душой стремился к этому служению и со смирением принимал волю Божию о себе.

Многим, я думаю, знакома поговорка «Где родился, там и пригодился». Пользуются ею обычно тогда, когда хотят сказать, что, мол, нечего пытаться менять свою жизнь, переезжать в другой город, область и уж тем более – в другую страну; где родился, там и живи, выбор уже сделан за тебя родителями.

Конечно, в те далекие времена, когда люди передвигались в лучшем случае на лошадях, а большинство и просто пешком, подобная поговорка часто действительно была справедливой. Ведь путешествие, а тем более переселение в те времена были сопряжены с огромным количеством трудностей и опасностей; те же, кому удавалось счастливо преодолеть все эти опасности и трудности, зачастую теряли все связи с родными, оставшимися на прежнем месте жительства, потому что ни телефона, ни интернета еще не существовало, а письмо из далеких краев могло идти не один месяц и даже

не один год (если вообще не терялось в таком дальнем пути), да многие и не умели ни читать, ни писать... Конечно, в таких условиях куда проще и безопаснее было строить жизнь именно там, где родился. Впрочем, и в те времена многими великими открытиями и вообще свершениями человечество было обязано тем немногим, кто отваживался вопреки поговорке отправиться в чужие края. Разве смогла бы, к примеру, Россия «прирастать Сибирью», если бы казаки Ермака Тимофеевича, Семен Дежнев и прочие первопроходцы предпочли безопасную жизнь на родине дальним странствиям? Разве получила бы наша страна великого ученого Ломоносова, если бы однажды простой крестьянский паренек Михайло не решил покинуть родные Холмогоры и отправиться пешком за тридевять земель, в Москву? Да что там – если бы ученые братья-греки Кирилл и Мефодий не оставили в свое время родной город Фессалоники и не переселились в совершенно чуждые им северные земли славян, неизвестно, возникла ли бы вообще русская культура, какой мы ее сейчас знаем...

Казалось бы, в наше время, когда передвижения по миру стали относительно простыми и безопасными, поговорки вроде приведенной выше должны были бы отойти в прошлое. Однако этого не произошло. Более того: все чаще и чаще такие поговорки начинают звучать не где-нибудь, а в православной церковной среде! Причем если в прошлом под словами «где родился, там и пригодился» подразумевались

чисто практические, житейские соображения, то теперь эту поговорку выдают едва ли не за одну из христианских заповедей, а переезд в другие края – грехом против Господа и Православной веры, причем в обоснование своей позиции никто не может привести ни единой строчки из Священного Писания или хотя бы из творений отцов Церкви...

Да и как могли бы они найти подобные основания в Писании, если сама Священная история началась с переселения Авраама из земли халдейской в чужие края – причем переселения вследствие прямого указания Самого Бога? Да и все вообще Священное Писание наполнено историями странствий и переселений. Что же касается святоотеческого взгляда на этот вопрос, он достаточно ясно выражен, например, в следующих словах святителя Иоанна Златоуста: «Первая добродетель и даже все добродетели состоят в том, чтобы быть странником и пришельцем в этом мире и не иметь ничего общего с здешними вещами, но быть в таком отношении к ним, как к чуждым для нас, подобно тем блаженным ученикам, о которых апостол говорит: *Скитались в милотях и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления: те, которых весь мир не был достоин* (Евр. 11, 37–38)... Святые были странниками и пришельцами. Как и каким образом? Не называли ли они себя странниками по отношению к одной земле Палестинской? Нет, по отношению к целой вселенной, – и справедливо: они не видели в ней ничего такого, чего желали, но все было для них странно и чуждо.

Они хотели упражняться в добродетели, а здесь было множество пороков, и потому все здешнее было для них чуждо; они не имели ни одного друга, ни одного близкого человека, кроме немногих. А как они были странниками? Они не заботились о здешнем и доказывали это не словами, а самыми делами. Как и каким образом? Бог сказал Аврааму: *Оставь мнимое отечество и иди в землю чуждую* (Быт. 12, 1), – и он не остался там по любви к близким, но без сожаления оставил его, как бы землю чуждую... Таков был Авраам и подобные ему; они были, говорит апостол, странниками для целой вселенной и искали отечества. Какого? Не того ли, которое оставили? Нет; ибо что препятствовало им, если бы они хотели, возвратиться туда и быть его гражданами? Они искали Отечества Небесного. Так спешили они удалиться отсюда и таким образом угождали Богу; посему и Он не стыдится называться их Богом».

Подлинным служителям Единого Истинного Бога – что в ветхозаветные, что в новозаветные времена – всегда было чуждо языческое преклонение перед «родимой земелькой» и «могилками родных» (действительно, не безумна ли сама идея, будто живой человек должен строить свою жизнь в зависимости от местонахождения мертвого тела, если мы верим, что сам умерший – его душа, его личность – пребывает не в могиле, а в Отечестве Небесном?). Конечно, они, как и любой человек, были привязаны к тем местам, где родились и выросли, – но в то же время были готовы в любой

момент оставить все это, если потребуется. Они знали, что подлинное следование воле Божией состоит не в том, чтобы по-язычески цепляться за «мать сыру землю», а в том, чтобы служить Господу и ближним там, где Ему будет угодно. И потому они без колебаний отправлялись в чужие земли, к чужим народам, следовали за своей паствой в изгнание – и совершали именем Господним великие дела, творили чудеса и достигали подлинной святости.

Замечательным примером такой «странствующей святости» стал и святитель Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский. Отпрыск знатного сербского рода, появившийся на свет и выросший на Украине, под Харьковом, он стал священником (а впоследствии и епископом) Русской Православной Церкви. После октябрьского переворота 1917 года ему пришлось покинуть страну, где он родился, и переселиться в край своих предков – Сербию, а оттуда – сначала в далекий Китай, где он и получил свою первую епископскую кафедру, затем – во Францию, из Франции – в США, где после многих лет служения Церкви он и скончался... Пожалуй, по житию святителя Иоанна можно было бы изучать географию. Поговорка «Где родился, там и пригодился» к нему никак не применима; впрочем, и предки святителя, переселившиеся некогда из Сербии в Российскую империю, вряд ли руководствовались ею в своей жизни.

Святитель Иоанн вел жизнь крайне аскетическую: ел один раз в день, спал на стуле два-три часа в сутки, ходил круг-

лый год в сандалиях, а когда видел босых нуждающихся, то отдавал сандалии им и ходил босиком по Парижу и другим городам. В Брюсселе он жил в крошечной комнатке под колокольней. Отыскивал нищих детей и приводил их в организованный им приют. Как-то за бутылку водки в Шанхае выменял у пьяного нищего китайца девочку нескольких месяцев, которую тот шел выкидывать на помойку, и отдал ее в свой приют. Он сумел переселить в США несколько тысяч русских эмигрантов, ютившихся после победы коммунизма в Китае на островке в Филиппинском архипелаге, страдавшем от цунами. При пребывании там русских, окормляемых Владыкой Иоанном, на лагерь не обрушилось ни одного урагана, но как только последние группы эмигрантов покинули остров и переселились в Америку, ураган тотчас уничтожил пустой лагерь. Такова была сила молитвы и праведности этого святого наших дней! И подобных случаев из жизни святителя можно было рассказать немало.

А вот как смотрел на странствия и переселения сам святитель Иоанн – в полном соответствии с православным святоотеческим учением. Пожалуй, такие слова мог бы сказать и его великий тезка, святитель Иоанн Златоуст, доведись ему жить в наше время:

«Мир земной есть дорога, а не жилище. Человечество не найдет себе в этом мире рая – без Креста. То, о чем мечтают ложные материалистические учителя человеческие, – невозможно. Человек никогда не построит себе радостного

дома в мире, где царствует грех, болезнь и смерть. Человек всегда будет бездомен в этом мире. И это благо. Страдание его кратко, а радость может быть вечной. И никакой человек не воплотит до конца идеала своей Родины на этой земле, потому что высшая и вечная Родина каждого человека есть мир правды Христовой.

Земля есть только путь людей, только станция в человеческой судьбе. Человека ждет бессмертная жизнь. Как бы долго ни останавливался он на земле и какие бы “высотные” здания он ни строил на земной скорлупке, она не перестанет быть лишь хрупкой скорлупкой над огненным океаном. И человеку предлежит отправляться далее в путь...»

Конечно, все это вовсе не значит, что святитель Иоанн вовсе не любил ни Россию, ни Сербию. Нет, он искренне любил и эти страны, и оба родных ему народа – просто не ставил эту обычную и естественную человеческую привязанность во главу угла своей жизни, не ставил ее выше любви к Богу и не делал ее главным и единственным содержанием собственного бытия. А потому, хотя революционные события в России, разрушение страны и страдания ее народа были для святителя большим горем – тем более что и паства его почти полностью состояла из тех, кто непосредственно пострадал от революции, – в то же время невозможность жить в России и крушение надежд на скорое свержение большевизма не стали для него, как для многих русских эмигрантов, «концом всего», обесмысливанием жизни. Потому что, несмот-

ря на искреннюю любовь к родной стране, главной ценностью для святителя Иоанна, основной целью и средоточием всего его бытия была не привязанность к земной отчизне, а стремление в Отечество Небесное, любовь к Богу и служение прежде всего Ему. Страдания земной родины, разлука с ней были страданиями и для святителя Иоанна – но эти страдания он воспринимал как испытания, призванные закалить, укрепить его веру в Господа и упование на Него Одного.

«Веровать в Бога только при условии жизненных удобств и радостей или среди только тяжелых обстоятельств и небесных громов – это еще несовершенная вера, – говорил об этом сам святитель. – Надо видеть Божественную заботу о нашей бессмертной душе – и в радостях, и в трудностях жизни. Веровать в Бога – это значит во всем и всегда признавать силу, власть и мудрость верховного Хозяина жизни, проводящего нас чрез мир, как чрез больницу и школу, для исцеления, научения, умудрения и спасения нашей бессмертной души... Творец учит нас и радостью жизни, и ее трудностью: трудностью жизни смягчает нашу эгоистическую волю и светлым утешением вдохновляет нас на борьбу за правду, справедливость, за мир и высшую жизнь».

Впрочем, судьбы России и русского народа, будущее страдающей родины продолжали волновать святителя Иоанна. Он много размышлял о причинах революционной трагедии, о том, что и как может и должен делать теперь русский народ для собственного спасения и избавления своей родной

страны, – и выводы, к которым приходил этот духовно мудрый и опытный пастырь, прямо противоречили тому, что утверждали в те годы многие русские эмигранты. В отличие от этих людей святитель Иоанн не считал, будто русский народ пал безвинной жертвой происков неких «заговорщиков», внешних «врагов России и Православия»; причиной революционных событий в России и последовавших за этим страшных бедствий святитель считал прежде всего грехи самого русского народа, его отступление от Бога, Которого он исповедовал на словах, но Чьи заповеди уже давно забыл и поправил. И русская белая эмиграция, нередко воспринимавшая себя едва ли не как сообщество святых мучеников, «последний оплот Святой Руси», также в полной мере, по мнению владыки Иоанна, разделяла эти грехи и ответственность народа за гибель родины.

«Значительная часть выехавших русских за границу, – писал святитель, – принадлежит к тому интеллигентному классу, который в последнее время жил идеями Запада. Принадлежа к числу чад Православной Церкви, исповедуя себя православными, люди того круга в своем мирозерцании значительно уклонились от Православия. Главным грехом людей того класса было то, что они не свои убеждения и уклад жизни строили на учении Православной веры, а старались правила и учение Православной Церкви согласовать со своими привычками и желаниями. Посему, с одной стороны, они весьма мало интересовались сущностью Православного

учения, часто даже считая догматическое учение Церкви совершенно несущественным; с другой стороны, они исполняли требования и обряды Православной Церкви, но лишь постольку, поскольку это не мешало им больше европейскому, чем русскому укладу жизни. Отсюда пренебрежительное отношение к постам, посещение храмов лишь на короткое время, да и то для удовлетворения больше эстетического, чем религиозного чувства, и полное непонимание религии как главной основы духовной жизни человека. Многие, конечно, внутренне были настроены иначе, но выявить это вовне, в жизни, не у многих хватало силы духа и умения». Поэтому, по его словам, «нашедшее на Россию бедствие является прямым последствием тяжких грехов и возрождение ее возможно лишь после очищения от них».

В чем же видел святитель Иоанн спасение России? Послушаем его собственные слова, звучащие как нельзя более актуально и в наше с вами непростое время.

«Россия восстанет, когда поднимет взор свой и увидит, что все святые, в земле Российской просиявшие, живы в Божием Царстве, что в них дух вечной жизни и что нам надо быть с ними и духовно коснуться и приобщиться их вечной жизни. В этом спасение России и всего мира».

Интересно отметить, что святитель Иоанн, много размышлявший, говоривший и писавший о России и русском народе, в то же время всячески старался не допустить замыкания русского эмигрантского сообщества в своей среде,

превращения этого сообщества в некое добровольное культурное гетто, к чему, увы, так склонны большинство национальных и религиозных общин в инокультурном окружении. Так, например, владыка много делал для того, чтобы восстановить в русских православных общинах почитание западных святых, еще до великого раскола подвизавшихся и прославленных в Западной Европе (где теперь проживало множество русских эмигрантов). Вот как об этом говорится, например, в одном из пастырских указов 1951 года святителя Иоанна: «Пребывая в рассеянии в странах, где древле подвизались и прославились своими страданиями или иными подвигами святые угодники, чтимые Православной Христовой Церковью с древних лет, подобает нам достойно почитать их и прибегать к ним, не охладевая в то же время к святым угодникам Божиим, к коим мы прибегали и прежде в молитвах».

Что же почитал святитель Иоанн главным в этом мире, в человеческой жизни вообще? Ведь этот вопрос – вопрос о самом главном и ценном – с особой остротой встает перед тем, кто потерял родину и познал горечь изгнания... Человек, лишившийся многого, – быть может, даже всего, что имел на земле, – не удовлетворится поверхностным, дежурным ответом на такой вопрос. И если он в конце концов найдет ответ – это будет ответ, пропущенный через сердце, исходящий из самой его глубины.

Святитель Иоанн самым главным в жизни каждого человека и мира в целом считал Христову любовь и Божие доб-

ро, служение этим любви и добру всеми силами, всем своим существом.

«Каждому из нас дан талант любви, и из множества наших отдельных жизней складывается общий облик того или иного народа и всего человечества. Каждый человек ответствен прежде всего за свою жизнь. Себя, свою душу он должен возделывать, как сад. Инженер, врач, земледелец, ученый, политик, общественный деятель, рабочий, кладущий кирпичи, садовник, прививающий плодородное дерево, поэт, утешающий человека, музыкант, выискивающий новую гармонию, – все это пчелы, работающие в одном огромном улье-мире; они летают по разным цветам, но сладость достижений их идет в общий дом. Мы, люди, призваны наполнить мир благоуханным садом добрых творческих мыслей и чувств, сладких для всех, а не разъедающим дымом эгоизма, ненависти и зла. В этом высшее осуществление цели жизни нас всех, – Царство Божие...

Нужно видеть вокруг себя не только зло и несправедливость в людских отношениях и не только временное одоление добрых людей злыми, но и совершающуюся – иногда очень сокровенно – великую победу добра над злом. Победы зла над добром призрачны и кратковременны, а победы добра и самое существование в мире добра, которое является уже его победой, суть высшая реальность мироздания и общее человеческое богатство».

Конечно, подобное служение невозможно без Богообщения.

ния и Богопознания, без непрестанного единения с Богом в молитве, Таинствах, в каждом поступке, согласованном с заповедями Божиими... И потому вопросы богопознания занимают важное место в книгах и проповедях святителя Иоанна. Он любил Бога, стремился к Нему всем своим существом – и те же любовь и стремление старался передать своей пастве. Послушаем же мудрые пастырские слова:

«В саду Южной Калифорнии я как-то увидел большую оранжевую бабочку с черным, непогрешительным в своей точности, двойным рисунком на крыльях: это была удивительная красота среди зелени, света и цветов, – песнь Богу в цветах и красках. В тишине кроткого, чистого, покорного Богу творения возносилась эта песнь и светилась эта премирная красота... Она показывает себя уже в этом мире и хочет воскрылить унылую, тяжелую душу человека к небу. Бабочка – такое же откровение Божия перста, как и северное сияние, полевая лилия, птица. Указывая на них, Спаситель говорил: “Посмотрите на птиц небесных... Посмотрите на лилии полевые”, – значит, все создано, чтобы мы на это смотрели и научались видеть в материальном мире Божию мудрость, милость и силу. Никакая дисгармония падшего человечества, никакие наши преступления не могут затмить красоты Божия мира. Из глубины своего нравственного неустройства люди призваны вникать в красоту творения и переводить ее в область духа; и так должна открываться человеку новая, более совершенная гармония бытия, в дарах

Духа: в смирении, в вере, надежде, правде, чистоте, преданности и любви к Богу и человеку, – от всего сердца, воли и разума... Смягчается сердце среди гармонии творения... И к молитве человека ведет красота видимой природы. Всякая гармония, открывающаяся в природе и замечаемая в отношениях между людьми, ведет к познанию высшего мира и к молитве.

В чем начинается наше пребывание с Господом? В желании соблюсти малейшую Его волю, исполнить каждое указание Евангелия, даже каждый намек Его заповеди. Пребывание с Господом выражается и в мире сердца, который превышает всякого мира. Он есть *мир наш* (Еф. 2,14). Пребывание с Господом есть молитвенная, чистая, небесная радостно-благодарная смягченность правдивого и покаянного сердца. Пребывание с Господом есть живое непрестанное общение с Ним, хождение перед Ним и в Нем...

Чтобы познать Бога, надо, в сущности, только одно: сделаться человеком. Истинный человек всегда видит умом и сердцем Бога, слышит Его слово – и в природе мира, и в своей совести, и в ослепительно открывшейся истине Евангелия... Вникание в Евангелие, проверка себя, своей совести его светом и молитва просвещают малый человеческий разум и открывают в человеке высший разум, который обычно бывает в человеке закрыт, засыпан мелким практическим рассудком. Истина Христова освобождает человека от зла и неведения, очищает и воспитывает внутреннюю глубину в

человеке, его сердце, дух... Кто хочет познать истину, тот прежде всего должен начать познавать в себе того человека, который в силах ее познать.

Свободной, честной мыслью своей, верой как высшей духовной интуицией и молитвою человек может пройти мгновенно все то расстояние, которое отделяет его от Бога. Молитва есть истинное питание духа и оживление бессмертного существа в человеке, она есть высшее просвещение человека. Кто хочет молиться Богу, тот найдет молитву, и кто найдет ее, никогда не оставит, потому что нет большего блага и счастья для человека, как говорить с Богом, – осознавать и чувствовать свое живое, личное общение с Творцом, бесконечной любовью и правдой. По Его любви и правде томится всякий человек, не угасивший до конца своего духа».

Дорогие во Христе отцы, братья и сестры!

Будем же просить на нелегком, но благодатном пути Спасения помощи Господа нашего Иисуса Христа и молитвенного предстательства за нас святителя Иоанна Шанхайского, восклицая вместе со всей Церковью:

«Христу Пастыреначальнику последовав, во святителях изряднейший явился еси, спасл бо еси овцы своя от губительства безбожных, пристанище мирное тем учредив, и попечение непрестанное о пастве имея, врачевал еси их недуги душевные же и телесныя, и ныне о нас к твоим честным мощем припадающих, моли Христа Бога, отче Иоанне, в мире спастися душам нашим».

АМИНЬ.

Слово на обретение мощей преподобного Максима Грека (21 июня / 4 июля)

*Зарею Духа облистаемъ, витийствующих
богомудренно сподобился еси разумения, неведением
омраченная сердца человекѣв светомъ благочестия
просвещая, пресветелъ явился еси Православия
свѣтильникъ, Максиме преподобие, отонудуже
ревности ради Всевѣдѣющаго отечества чуждъ и
страненъ, Россійскія страны былъ еси пресельникъ,
страдания темницъ и заточения отъ самодержавнаго
претерпѣвъ, десницею Вышняго венчаемися и
чудодействуещи преславная.*

Тропарь преподобному Максиму Греку

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Дорогие во Христе отцы, братья и сестры!

Сегодня Святая Церковь вспоминает день обретения честных мощей преподобного Максима Грека. Житие преподобного Максима являет нам удивительный пример истинно христианской, бескорыстной, жертвенной любви к ближнему, любви, преодолевающей все препятствия: этнические различия, расстояние, невзгоды и личные обиды. Преподобный всей жизнью своей засвидетельствовал истинность апостольских слов о том, что *во Христе нет ни эллина, ни иудея, ни варвара, ни скифа* (Кол. 3,11): греческий монах, рожденный и воспитанный на Балканах, он стал русским святым, подлинно своим для Руси, несмотря даже на то, что встретил в нашей стране не теплый радушный прием, а стену непонимания и враждебности...

Будущий подвижник родился около 1470 года на северо-западе Греции, в городе Арта, что в области Эпир, и во Святом Крещении получил имя Михаил. Родители Михаила, Эммануил и Ирина Триволис, были не только богатыми, знатными и образованными людьми, но и подлинно благочестивыми православными христианами, поэтому и сына своего они воспитали в любви ко Христу. Михаил получил прекрасное домашнее образование, обучался у лучших учителей Арты и острова Керкира (Корфу). Но пытливому уму

юноши этого было мало. Он стремился к более обширным и глубоким познаниям, в чем его поддерживали и родители. А так как в разоренных турками греческих землях продолжать образование было невозможно, Михаил с благословения родителей отправился в Западную Европу.

В течение пятнадцати лет молодой грек постигал философию, историю и филологию, изучал древние и новые языки: сначала в Париже, затем в Венеции, Падуе, Флоренции и Милане, где сблизился со многими известными деятелями той эпохи. Постепенно из разряда учеников Михаил перешел в ряды учителей, став своим в ученых кругах Италии. Его ожидала блестящая будущность – но душа молодого человека жаждала чего-то большего, высшего.

Несмотря на уважение к западной учености, глубоко верующему Михаилу были чужды откровенные симпатии к язычеству, насмешки над христианской верой, развращенные нравы, широко распространившиеся в те годы в образованных слоях западного общества эпохи Возрождения. Михаил не мог не понимать, что *худые сообщества развращают добрые нравы* (1 Кор. 15, 33), а потому и его собственной душе грозит потеря чистоты. «Если бы не Господь, пекущийся о спасении всех, помиловал меня и не посетил вскоре Своею благодатию, и не озарил светом Своим мысль мою, то давно погиб бы и я с находящимися там проповедниками нечестия», – вспоминал впоследствии преподобный.

И Господь, видя благое расположение Михаила, хранил

Своего раба. Многочисленные духовные соблазны не только не поколебали его веры, но, напротив, лишь укрепили в верности Христу и Его Святой Церкви. Михаил принял решение полностью посвятить свою жизнь служению Богу и ближнему. Вернувшись в 1507 году на родину, он отправился на Афон и принял монашеский постриг в монастыре Ватопед, с именем Максим – в честь святого преподобного Максима Исповедника.

Около десяти лет провел Максим на Святой Горе, неустанно подвизаясь и совершенствуясь в монашеских добродетелях: любви, послушании, воздержании, смирении и нестяжательстве. Продолжал он углублять и свои познания: в богатой библиотеке монастыря Ватопед хранилось множество бесценных рукописей, в том числе редкие книги, некогда принадлежавшие византийским императорам – ктиторами этой афонской обители. Иногда Максима посылали в мир по делам монастыря, и подвижник старался использовать эту возможность, чтобы духовно укрепить жителей порабощенной османами Греции, наставить их в вере Христовой.

Братия монастыря глубоко уважала преподобного Максима и за его ум и познания, и за его добродетели: смирение, искреннюю и горячую любовь к Богу и людям, трудолюбие. Максим не искал славы и высоких должностей, он стремился лишь к одному: служить Господу и ближним. Но *не может укрыться город, стоящий на верху горы* (Лк. 6,14). Известия об ученом и добродетельном монахе дошли и до

Константинопольского Патриарха. Духовный авторитет, которым пользовался преподобный на Святой Горе и в Патриархии, и определил, по воле Господа, будущее Максима: именно на него был возложен тяжкий, но благодатный просветительский труд в далекой северной земле – Московской Руси.

В 1515 году великий князь Московский Василий III Иоаннович обратился к Патриарху Константинопольскому Феолипту и высшему органу власти Святой Горы Афон – Протату – с просьбой прислать в Москву кого-либо из ученых греческих монахов для перевода греческих книг. Просьба эта была вызвана двумя причинами. Как известно, матерью великого князя была греческая царевна София Палеолог. После ее смерти осталась обширная греческая библиотека, и Василий Иоаннович, желая разобраться в книгах и рукописях матери, решил выписать к себе квалифицированного переводчика.

Кроме того – и эта причина, пожалуй, была основной, – требовалось исправить русские переводы Священного Писания, богослужебных книг и святоотеческих творений. Переводы эти, сделанные несколько веков назад, за истекшие годы неоднократно переписывались, зачастую недостаточно образованными переписчиками или даже вовсе малоучеными людьми. Поэтому списки одного и того же текста могли сильно разниться между собой, в переводах встречались грубые ошибки и неточности. К тому же некоторые переводы

были изначально неверны, так как выполняли их либо славяне, недостаточно знавшие греческий язык, либо греки, недостаточно хорошо владевшие языками славянскими. Вследствие этого священные слова молитв, богодухновенные строки Писания и полные духовной мудрости поучения святых отцов доходили до русских православных христиан в искаженном виде, что не могло не иметь пагубных последствий для духовной жизни Руси. Степень искажения текстов была так велика, что к началу XVI века трудно было найти верный список славянской Псалтири...

Попытки исправления русских текстов предпринимались неоднократно. Еще святитель Алексей, митрополит Московский в XIV веке, в совершенстве владевший греческим языком, занимался исправлением Священных книг и лично брался за перевод Евангелия. Исправлением книг занимался и святитель Киприан в XIV–XV веках, но множество трудов и забот препятствовали полному сосредоточению сил на столь обширной работе. Кроме того, святой Киприан, будучи болгарин по происхождению, невольно привнес в русские тексты множество болгарских выражений и оборотов, малопонятных русскому человеку. Поэтому к XVI веку вопрос исправления русских текстов стоял все так же, если не более остро.

Выбор Протата и братии Ватопедского монастыря был единодушным: ехать в Москву к великому князю должен был Максим, как самый искусный из афонской братии в зна-

нии Священного Писания и многих других науках. Этот выбор был полностью одобрен и Патриархом Константинопольским. Ни афонитов, ни русских посланников Василия Иоанновича не смутило даже то, что брат Максим не знал русского языка: полностью полагаясь на его мудрость, они были уверены, что ученый монах сможет быстро овладеть новым языком в достаточной степени, чтобы служить князю переводчиком. Действительно, посвятив следующие три года изучению русского языка, Максим к началу 1518 года (то есть ко времени своего прибытия в Москву) уже мог вполне хорошо изъясняться и писать по-русски.

Великий князь встретил Максима с большим почетом и поселил его в кремлевском Пудовом монастыре, на полном содержании от великокняжеского двора. Вскоре после прибытия Максим приступил к разбору греческих книг княжеской библиотеки и был поражен богатством собрания. Княгиня Софья вывезла с собой из Константинополя множество редчайших книг и рукописей; кроме того, немало греческих книг было прислано ей в дар восточными Патриархами. Преподобный сообщил князю, что даже у себя на родине, в Греции, ему не приходилось видеть столь богатой греческой библиотеки. Весьма довольный этими словами ученого афонита, Василий Иоаннович повелел ему отобрать из библиотеки книги, еще не переведенные на русский язык, и приступить к их переводу. Составив подробную опись таких книг, преподобный Максим начал с перевода Толково-

го Апостола (начальная часть этой книги – толкование на Деяния апостолов – была переведена уже к весне 1519 года) и Толковой Псалтири. В помощь преподобному великий князь дал двух русских переводчиков – Дмитрия Герасимова и Власа Игнатова, а также двух писцов – инока Свято-Троицкой Сергиевой Лавры Силуана и Михаила Медоварцева. Ни Герасимов, ни Игнатов не знали греческого языка, зато в совершенстве владели латынью. Поэтому, если преподобный Максим затруднялся найти точный перевод на неродной ему русский язык для какого-либо сложного выражения или отрывка греческого текста, он переводил сложное место на латынь, а княжеские переводчики подыскивали соответствующие русские слова и выражения.

Трудность перевода Толковой Псалтири заключалась еще и в том, что составители книги собрали в ней труды самых разных толкователей, среди которых, наряду с великими отцами Церкви, были такие еретики, как Ориген, Аполлинарий, Севир Антиохийский и другие. Причем различные толкования были соединены в единый текст, так что преподобному стоило немалого труда отделить чистые пшеничные зерна святоотеческого учения от еретических плевел. Для этого требовались глубокие богословские познания, которыми, к счастью, Максим обладал в полной мере: выбор афонской братии полностью оправдал себя.

Наконец, спустя полтора года перевод Толковой Псалтири был готов. Преподобный Максим представил его велико-

му князю и митрополиту Московскому Варлааму со словами: «Надлежало бы книге, исполненной таких достоинств, иметь и переводчика более опытного в словесном искусстве, который бы мог не только глубокомысленные речения Богомудрых мужей достойно передать, но и временем похищенное вознаградить, и невежеством переписчиков поврежденное исправить. Ибо хотя мы и сами греки и учились у знаменитых учителей, но еще стоим негде долу, при подошве горы Фаворской, с девятью учениками, как еще не способные, по грубости разума, быть участниками боголепных видений Просветителя Иисуса, которых удостоиваются только просиявшие высокими добродетелями. Говорю это потому, что греческий язык, по изобилию в значении слов и в разных способах выражения, придуманных древними риторам, довольно представляет трудностей в переводе, для побеждения которых нужно бы нам было еще много времени и усилий. Однако же, сколько Бог нам свыше даровал и сколько мы сами могли уразуметь, не оставили потрудиться, чтобы сказанное нами было переведено ясно, правильно и вразумительно; а поврежденное писцом или от долговременности, где возможно было при пособии книг, или по собственной догадке, старались исправить. Где же не могли мы ничего сделать, оставили так, как было».

Преподобный Максим признавал, что в его переводе также могли встретиться неточности и ошибки, заранее предупреждал об этом князя и просил по возможности испра-

вить найденные огрехи, с тем лишь условием, чтобы исправитель также хорошо владел греческим языком, грамматикой и риторикой.

Преподобный просил награды своим русским помощникам и писцам, для себя же не просил ничего, кроме позволения возвратиться на Святую Гору вместе с сопровождавшими его в Москву афонскими иноками Нифонтом и Лаврентием. «Избавь нас, – писал преподобный Василию Иоанновичу, – от печали долгой разлуки, возврати безбедно честному монастырю Ватопедскому, давно уже нас жаждущему. Даруй нам совершить обеты иноческие там, где мы их произнесли пред Христом и страшными Его Ангелами в день пострижения. Отпусти нас скорее в мире, чтобы нам возвестить и там находящимся православным о твоих царских доблестях, да ведают бедствующие христиане тех стран, что есть еще на свете царь, не только владеющий многими народами, но и цветущий правдою и православием, подобно Константину и Феодосию Великим. Да дарует Господь некогда царствовать и нам, освобожденным тобою от рабства нечестивым».

Перевод Толковой Псалтири был высоко оценен и князем, и митрополитом, и всем московским духовенством. Но желанию преподобного Максима не суждено было сбыться в полной мере: щедро наградив его помощников, Василий Иоаннович не отпустил его самого обратно на Афон, повелев ученому монаху продолжить свои труды и приняться за

перевод толкования святителя Иоанна Златоуста на Евангелия от Матфея и Иоанна.

Успешно переведя эти книги, преподобный Максим взялся за Правила святых апостолов и Правила Вселенских и Поместных Соборов, толкования на пророческие книги и житие Пресвятой Богородицы, составленное святым Симеоном Метафрастом. Кроме того, Максиму было поручено исправлять русский перевод богослужебных книг, прежде всего Триоди, в которых накопилось немало грубых ошибок. Преподобный ревностно принялся за этот благой труд и, по его собственному выражению, обеими руками вычищал плевелы из Священных текстов.

Чем дальше, тем больше находилось работы ученому афониту, все отдаленней и призрачней становилась надежда на скорое возвращение на Святую Гору Афон. Впрочем, хотел ли еще этого и сам преподобный? За несколько лет пребывания в Москве, в совершенстве овладев русским языком и вникнув в жизнь нашего народа, Максим проникся глубокой, подлинно христианской любовью к нашей стране и населяющим ее людям. Искренне печалась о том, что «присноименитые люди российские» еще недостаточно научены подлинному, живому, деятельному, богоспасительному христианству, преподобный постепенно приходил к пониманию того, что Господь призывает его послужить русским братьям во Христе, как некогда послужили им его соотечественники – святые равноапостольные Кирилл и Мефодий, великие «учите-

ли словенские».

XVI век был тяжелым временем для духовной жизни Руси. Преподобный Максим с горечью замечал, что, как и на Западе, на Руси он нашел мало истинных плодов правой Христовой веры. Но если на Западе это происходило от увлечения языческой философией и отступления от основ христианства, то на Руси духовные нестроения были следствием неучености. Русские люди были по-прежнему преданы Православной Церкви, но не были наставлены в вере и потому не могли вести истинную христианскую жизнь. Плохо зная Священное Писание и основы православного учения, они готовы были верить любому шарлатану, который, напустив «словесного тумана», с умным видом рассуждал о вере. Поэтому вера во Христа зачастую сочеталась у русских православных христиан с откровенно языческими верованиями, наряду с молитвами в народе использовались языческие заговоры, бытовали апокрифические и подчас богохульные «сказания» о Спасителе, Богородице и святых и т. д. В низших слоях общества было широко распространено колдовство, в высших – астрология и различные гадания. Кроме того, само представление о духовной жизни было у народа во многом языческим: вера сводилась к набору обрядов – телесным постам, посещению богослужений, чтению канонов, – ревностного исполнения которых, в представлении людей, было достаточно, чтобы считаться «истинным христианином» и заслужить спасение. Исполнение заповедей при этом не счита-

лось обязательным, и во всех слоях общества процветали самые различные пороки: разврат, немилосердная жестокость, лихоимство...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.